

Сяояо Син славится своим отменным вином, которое варят только на Горе Сикуй. Цзян Чжо давно был понаслышке знаком с этим напитком, но попробовать его еще не доводилось. Приняв из рук лавочника глиняный кувшин, он поблагодарил его, сбил крышку ударом ладони и тут же отпил больше половины. После такого зрелища не только хозяин лавки, но и все посетители широко раскрыли глаза и в один голос восхитились: Отличная выдержка!

Осушив вино, Цзян Чжо почувствовал приятное тепло и легкость в груди. Он приподнял полотно двери, собираясь в путь, как вдруг лавочник окликнул его:

— Молодой господин, дождь такой сильный, почему бы вам не переждать ненастье?

— У меня срочное дело, — ответил тот.

Лавочник окинул взглядом улицу, достал из-за двери зонт и сунул его в руку Цзян Чжо:

— Вы человек благородный, и я никогда не забуду сегодняшней доброты. Но осмелюсь спросить: вы ведь собрались в горы?

— Верно, — подтвердил Цзян Чжо.

Лавочник покачал головой:

— Сейчас там кишмя кишмя кишат свирепые волки да тигры, обычные люди бегут оттуда сломя голову, а вы... Подумайте хорошенько!

Надвинув бамбуковую шляпу на глаза, Цзян Чжо улыбнулся:

— Благодарю за предостережение, но я как раз и иду на этих волкотигров.

Покинув винную лавку, он направился в горы, не оглядываясь назад. Не прошло и двух шагов, как он настиг тех самых учеников в белых одеждах. Лил проливной дождь, но шедший впереди адепт пренебрег талисманом Избегания Воды и вместо этого заставил кого-то держать над собой зонт.

Кто-то на ходу обратился к нему:

— Го Шисюн, когда мы доберемся до гарнизона, мы сначала нанесем визит Великому Чиновнику Цзи или?..

Го Шисюн ответил:

— Разве стоит об этом спрашивать? Разумеется, навестим Великого Чиновника Цзи. Скажи-ка лучше, как та партия товаров, что мы привезли с Горы Чжуаньлань? Вода не попала внутрь?

Оказывается, он принадлежал вовсе не к Пику Лянь, а прибыл с Горы Чжуаньлань с доставкой.

Адепт поспешно заверил:

— Не извольте беспокоиться, шисюн, мы берегли тот груз пуще глаза, ни единой капле не позволили его испортить.

Го Шисюн остался доволен:

— Этот груз Владыка Управления пожаловал Великому Чиновнику Цзи, а тот сейчас ранен и как раз вовсю в нем нуждается. Доставим его в целости — он наверняка обрадуется. А раз обрадуется, глядишь, и наши переводы на новые должности не за горами.

Цзян Чжо мысленно усмехнулся: Неудивительно, что тот у подножия горы так рьяно защищал Цзин Юя — преследует личную выгоду.

Адепт согласился, прошел еще пару шагов, а затем встревоженно произнес:

— Но поговаривают, в последнее время Владыка Управления был крайне недоволен Великим Чиновником Цзи. Вдруг...

Го Шисюн оборвал его:

— И ты веришь болтовне всяких нищих попрошаек?! Если бы Владыка и вправду гневался на Великого Чиновника Цзи, стал бы он повышать его прямо сейчас? Все эти словесные разнопечты — лишь пыль в глаза посторонним. Сам посуди: урезали ли ему хоть одну положенную награду?

Ученик все еще не был до конца уверен:

— Но, шисюн, разве хлебное местечко в Городе Сяньинь в итоге не досталось Сун Инчжи? Он вечно идет нам наперекор, и если он сейчас выслужится, кто знает, не возвысит ли его Владыка до Великого Чиновника Цзи.

Чем дольше Цзян Чжо слушал, тем страннее ему казалось. Разве Управление Тяньмин похоже на школу совершенствующихся? Больше напоминает мирскую чиновничью возню! Судя по обрывкам разговора, их ряды раздирают уособицы, кругом царят интриги и погоня за наживой, и среди них нет ни единого порядочного человека.

Го Шисюн лишь рассмеялся в ответ:

— А кому еще оно должно было достаться? Сун Инчжи горделив и заносчив, а раз Великий Чиновник Цзи перебежал ему дорогу, он наверняка кипит от злости. Владыка подкинул ему поручение чисто для того, чем-то занять. В конце концов, дело тут вовсе не в нем самом, а в стремлении умиротворить стоящую за его спиной фракцию... Впрочем, можешь спать спокойно: по степени близости им с нами тягаться бесполезно.

Беседуя на ходу, они незаметно добрались до заставы гарнизона Управления Тяньмин. При

проходе через ворота Го Шисюн предъявил подорожную грамоту, а Цзян Чжо, воспользовавшись его попутным ветром и скрыв свое присутствие, проскользнул следом.

Гарнизон состоял из нескольких просторных дворов, каждый из которых выполнял свои функции. Положение Го Шисюна было не из низких, поэтому стражники у входа встретили его с большим почтением, и он тут же сменил выражение лица, расплывшись в любезной улыбке. Однако чем дальше они углублялись внутрь, тем строже становилась охрана, пока наконец перед ними не предстала изысканная усадьба с резными балками и расписными стропилами.

Навстречу им вышел адепт и с искренним воодушевлением поприветствовал гостя:

— Го Шисюн, сколько лет, сколько зим!

Го Шисюн сиял от радости:

— И то верно! С тех пор как вы переехали на Пик Лянь, мы целую вечность не сиживали за чашкой вина. Как здоровье Великого Чиновника Цзи? Раны затянулись?

Проводник повел их внутрь:

— Раны еще требуют покоя, да и настроение никуда не годится из-за того, что уже несколько дней он не спускался с горы.

Миновав искусственные горки и изящные мостики, они остановились перед просторным зданием. Едва ступив на его крыльцо, Цзян Чжо ощутил неприятное давящее чувство во всем теле. Подняв глаза, он заметил, что на дверных косяках и оконных рамах вырезаны Проклятия Рассеивания Духов.

Это были чары, подавляющие духовную энергию и нарушающие циркуляцию сил, которые обычно применялись для усмирения противника. Похоже, после полученных ранений Цзин Юй страдал тяжелой паранойей и нарочно велел вырезать подобные знаки, опасаясь покушения со стороны навещающих его подчиненных. К счастью, эти чары лишь угнетали духовную энергию, но не способны были полностью ее запечатать.

Адепт остановился:

— Поскольку ему необходим полный покой, не стоит тревожить его толпой. Пройдет только Го Шисюн.

Оставив меч у порога, Го Шисюн вошел внутрь в одиночестве. Стоило переступить порог, как дневной свет почти полностью пропал: отовсюду свисали плотные портьеры, а воздух был густо пропитан тяжелым запахом лекарств. Не смея поднимать глаз по сторонам, он опустился на колени и почтительно произнес:

— Приветствую Великого Чиновника Цзи.

За занавесью угадывался чей-то силуэт, и равнодушный голос произнес:

— Встань. И посмотри, кто я.

Осторожно подняв голову, Го Шисюн увидел, как чья-то рука отдернула полог, явив бледное, утонченное лицо. Он никогда прежде не встречал этого человека и от неожиданности замер:

— Кто ты такой?!

Тот усмехнулся:

— Не узнаешь? Я Ли Юнъюань.

Дыхание Цзян Чжо на мгновение замерло, а в груди поднялась буря. И впрямь: этот человек не только выглядел точь-в-точь как Ли Юнъюань, но даже голос копировал с поразительной точностью. Если бы сам Цзян Чжо не срубил голову настоящему Ли Юнъюаню у городских ворот, он ни за что не смог бы отличить подделку от оригинала!

Отрок в ужасе попятился:

— Т-ты же мертв?!

Взгляд «Ли Юнъюаня» был леденящим:

— Мертв Цзин Юй, взгляни-ка!

Он распахнул занавесь, и оттуда пахло удушливым запахом свежей крови. На полу в луже крови лежало ярко одетое тело, судя по всему, испустившее дух уже довольно давно.

Душа Го Шисюна ушла в пятки:

— Ты убил Великого Чиновника Цзи?! Т-ты...

В панике вскочив на ноги, он бросился к выходу, но «Ли Юнъюань» за его спиной уже выхватил меч и полоснул по воздуху, целясь прямо в голову! Го Шисюн рухнул на колени с криком:

— Убивают! Помогите, убивают!

В этот момент из-за занавеси раздался раскатистый смех. Цзин Юй, сгибаясь от хохота, откинул полог:

— Адепт Го, да у тебя кишка тонка! Ха-ха...

Обессиленно опустившись на пол, Го Шисюн едва не намочил штаны от страха. Поняв, что это

была лишь злая шутка, он поспешно выдавил из себя улыбку:

— Напугали до смерти! Я уж думал, взаправду подосланный убийца, собирался кликать стражу!

Неторопливо шагнув вперед в домашнем халате, Цзин Юй бросил:

— Что ж, по крайней мере, преданности тебе не занимать, дурных мыслей не возникло.

Этот розыгрыш предназначался для проверки верности подчиненного! Не смея подняться без приказа, Го Шисюн за семенил на четвереньках:

— Кругом только и говорят, что Великий Чиновник Цзи тяжело ранен, я так переживал... А тут эта кровь, у меня душа в пятки ушла!

— Разве плохо, если бы я умер? Мог бы и сам занять это местечко, — бросил Цзин Юй.

Го Шисюн замахал руками:

— С моими-то талантами без поддержки Великого Чиновника я и гроша ломаного не стою. Не в службу, а в дружбу, у меня до сих пор коленки дрожат!

Подойдя к «Ли Юньюаню», Цзин Юй похлопал его по плечу и с неожиданной нежностью во взгляде произнес:

— Лицо вышло неплохо, но владение мечом никуда не годится. Совсем не похоже, ни капельки.

Уловив настрой своего господина, Го Шисюн тут же поддакнул:

— Коли угодно, после того как разберемся с делами в Городе Сяньинь, мы живо разыщем еще парочку учеников из Секты Костей Грома в Чжунчжоу...

Цзин Юй поморщился:

— Не люблю я учеников Секты Костей Грома. К тому же все они — не Ли Юньюань, какой толк от подделок?

С этими словами он перехватил руку «Ли Юньюаня» и попытался заставить его сделать несколько выпадов с мечом. Увы, сам он мечом владеть не умел и лишь неловко копировал чужие движения.

Озадаченный Го Шисюн осведомился:

— С чего это Великий Чиновник вдруг так заинтересовался Ли Юньюанем?

Цзин Юй задумчиво протянул:

— В ту ночь, когда я схватил его, он уже был сражен тремя моими ударами Формулы Пытки Сердца...

— Формула Пытки Сердца! — ахнул Го Шисюн. — Ведь она разрывает плоть и дробит кости, причиняя невыносимую муку. И что же он? Сразу рухнул на колени и запросил пощады?

Цзин Юй тихонько рассмеялся, словно восхищаясь:

— О нет, ты его не знаешь. Хребет у него оказался на редкость крепким. Тогда он просто поднял этот самый меч и велел мне убираться. Мне стало любопытно, что он задумал, и я действительно отступил на два шага.

Го Шисюн замер в предвкушении:

— И что же он сделал?

— Он применил Три Заклинания Призыва Грома, — продолжил Цзин Юй. — Я подумал про себя: какой же глупец, прекрасно знает, что за мной стоит черный туман, а всё равно читает заклинания. Но голос у него был до того приятный, что мне захотелось послушать его еще хоть разок. Кто бы знал, что это всего лишь обманный маневр: воспользовавшись моим замешательством, он обрушил на меня Мечтание Куньпэна.

Первый удар пришелся мне в грудь, но благодаря черному туману он не смог причинить мне и малейшего вреда. Желая немного позабавиться, я просто переломил ему запястье. Ты бы видел его выражение лица: холодное, лишь слегка нахмурил брови. И представь себе, именно эта складка между бровей заставила меня разглядеть его истинную красоту... и какую-то странную жалость.

В тот момент я точно лишился рассудка: схватил его за руку и потребовал, чтобы он нахмурился еще раз. Но в его взгляде читалось лишь ледяное презрение, и он нанес второй удар. Клинок вошел в мое левое плечо, я даже истек кровью, притворившись, что проигрываю бой, и он... он и вправду поверил! Ха-ха! Я же говорил — настоящий глупец. Увидев, что я ранен, он пошел в наступление, а я именно этого и ждал.

На сей раз я сломал ему второе запястье, но он больше не пожелал хмуриться ради меня. Заклинание Пытки Сердца продолжало терзать его изнутри, он снова извергнул кровь. Желая еще сильнее разбередить его, я бросил: Старший, теперь, когда обе твои руки сломаны, тебе больше не придется соперничать с Ли Сянлином, счастлив ты или нет? И он действительно рассвирепел. Тогда я добавил: Я знаю, ты всю жизнь жаждал доказать свое превосходство, но вечно оставался в тени. Если бы твой Учитель был жив и увидел тебя таким, он бы сильно разочаровался.

И угадай, что было дальше? Извергнув еще несколько сгустков крови, он наконец позволил боли отразиться на лице. Лицо его было до того тонким и благородным, что эта вспышка

скорби показалась мне удивительно притягательной. В тот миг я понял, где его уязвимое место: догадавшись, сколь дорога ему эта шпага, я протянул руку, чтобы отобрать ее. Но он воспротивился и применил Заклинание Оружия, пробив моим Прорывом Панциря черный туман и ранив меня по-настоящему.

Жаль, говорил я ему, жаль, что из-за твоего вечного стремления к первенству должны погибнуть все жители целого города. Именно эти слова окончательно вывели его из себя — а может, он изначально и не собирался уходить оттуда живым. Собрав всю свою жизненную силу в качестве проводника, он один за другим обрушил шесть ударов Заклинания Оружия, и в тот же миг фиолетовое сияние раскололо небеса! Это был его последний удар: он не только вновь ранил меня, но и разрушил наполовину мой Массив Призыва Зла. Если бы не вовремя подоспевший Сун Инчжи, Город Сяньинь вряд ли удалось бы спасти.

Досадно лишь то, что во всем мире лишь мне довелось увидеть тот удар — столь стремительный и свирепый. Умирая, он плакал... он действительно пролил слезы, хотя не поморщился даже тогда, когда его плоть рвали на части. Я расслышал, как он звал Учителя, а потом прошептал: Прости.

А затем он испустил дух. Клинок упал на землю, и больше никто уже не мог вдохнуть в него прежнюю грацию. Теперь я даже жалею об этом — я ведь вечно звал его старшим, но так ни разу и не назвал по имени. Ли, Юн, Юй. Знаешь, что значит Юньюань? Это вечное возвращение к истоку, это первенство во всем поднебесье.

Оглушенный Го Шисюн еще долго молча таращился на Цзин Юя, а затем растерянно пробормотал:

— Этот... этот Ли Юньюань и вправду был отчаянным храбрецом, неудивительно, что Великий Чиновник до сих пор помнит его...

Довольный Цзин Юй кивнул:

— Он — редчайший в этом мире мечник, к тому же человек нетривиальный, как я могу его забыть? Но послушай, Адепт Го, мне нужна твоя услуга.

Го Шисюн поспешно заверил:

— Для Великого Чиновника — хоть на край света, я почти за честь! Приказывайте что угодно.

Цзин Юй указал на бездыханное тело за занавесью:

— Переоденься в его одежды и притворись мной.

Несмотря на всю свою угодливость, дураком Го Шисюн не был. Окинув взглядом помещение, он скривил лицо в неловкой улыбке:

— Э-э... Разве так можно? Великий Чиновник столь статен и величествен, а я всего лишь

мелкий разносчик... Боюсь, даже в драконьих одеждах на принца не потяну.

Взгляд Цзин Юя скользнул по нему, губы по-прежнему трогала легкая улыбка:

— Ты отказываешься?

Хорошо зная нрав Цзин Юя по долгим годам знакомства, Го Шисюн прекрасно понимал, чем грозит малейшее отказоуказание. Но при мысли о жуткой участи лежащего рядом мертвеца он оцепенел, не смея дать однозначный ответ, и застрял между молотом и наковальней:

— Я... я...

— Если не хочешь — неволя свет, я вовсе не стану тебя винить, — мягко произнес Цзин Юй.

Но чем ласковее звучали эти слова, тем сильнее Го Шисюн покрывался холодным потом. Во-первых, он боялся навлечь на себя немилость и лишиться долгожданного перевода; во-вторых, страшился, что хозяин прямо здесь потеряет терпение и снесет ему голову! В голове пронеслись сотни мыслей, и, решив в первую очередь спасти собственную шкуру, он скрепя сердце согласился:

— Раз Великий Чиновник соизволил оказать мне такую честь... Хорошо, я сыграю. Сыграю так, как вам угодно.

Не дожидаясь повторного призыва, он на четвереньках подполз к телу и торопливо принялся стягивать с него одежду. Видя, как адепт истекает потом, Цзин Юй ободряюще улыбнулся:

— Переоделся? Тогда вставай.

Беспрекословно подчиняясь каждому слову, Го Шисюн поднялся на ноги. Не успел он толком выпрямиться, как Цзин Юй бросил «Ли Юньюаню»:

— Коли его.

Го Шисюн испуганно взвизгнул:

— А-а!

В мгновение ока клинок «Ли Юньюаня» уже оказался перед ним! Разве смел Го Шисюн зевать? Лихорадочно забормотав Заклинание уклонения, он отпрянул в сторону. Но оживший манекен преследовал его по пятам, нанося удары один за другим. Отступая шаг за шагом, Го Шисюн путался в занавесках, которые взлетали вокруг него от порывов воздуха, и завопил благим матом:

— Великий Чиновник, пощадите! Пощадите!

Цзин Юй со смеху согнулся пополам:

— До чего же комично! Просто умора!

Пропустив несколько ударов «Ли Юньюаня», Го Шисюн обнаружил, что его одежда и рукава разодраны в клочья. Теперь ему стало по-настоящему страшно, и он попытался применить заклинание против самого нападавшего, но проклятия на дверях и окнах напрочь подавляли его крупицы духовной силы — заклинание даже не шелохнулось!

— Не убивай меня! — в панике метался между портьерами Го Шисюн. — Пощади!

Цзин Юй захлопал в ладоши:

— Скучно с тобой! Просто бегать — совсем на меня не похоже. Давай отбивайся, а не то прикончит он тебя в два счета, я уже ничем не помогу.

Добежав до двери, он обнаружил, что та заперта наглухо! Колоча кулаками по дереву, несчастный заорал:

— Спасите! На помощь! Убивают!

Снаружи не доносилось ни звука — всю стражу давным-давно отозвали. Меч «Ли Юньюаня» вновь полоснул его по спине, брызнула кровь. Издав отчаянный вопль, Го Шисюн осел у дверного полотна:

— Смилуйтесь, Великий Чиновник! Я... я...

Развалившись на ложе, Цзин Юй выглядел преисполненным радости:

— Так в чем же ты провинился, что я должен тебя помиловать?

Прижав руку к кровоточащей ране, тот сквозь слезы завыл:

— Я виноват... виноват в том, что...

— Ты не можешь ответить, потому что понятия не имеешь, в чем твоя вина, — прервал его Цзин Юй. — Так давай я тебе подскажу? Когда вы выступали с Горы Чжуаньлань, я четко приказал вам сидеть тише воды ниже травы. Но тебе непременно понадобилось трясти моим именем налево и направо, из-за чего Владыка Управления снова рассвирепел и отчитал меня!

Только теперь до Го Шисюна дошло всё коварство ситуации, и он горько раскаялся:

— Я был слеп! Великий Чиновник, прости меня на этот раз, впредь я буду тише воды, ниже травы, клянусь, больше ни единой проблемы тебе не создам!

— Всякая вина должна быть наказана, разве я не этим сейчас и занимаюсь? — улыбнулся Цзин Юй. — Не спеши, самое интересное еще впереди.

Еще внизу, у подножия горы, Го Шисюн бросал похожие слова в адрес соляного торговца, но мог ли он предвидеть, что спустя всего пару часов эти же слова бумерангом вернутся к нему самому? Исколотый мечом «Ли Юньюаня», окровавленный и лишенный всякой надежды на спасение, он рухнул между складками тяжелых занавесей, не в силах даже пошевелиться.

«Ли Юньюань» молча смотрел на него сверху вниз, словно на кучу грязи. Из-за непрекращающегося дождя в комнате царил полумрак, а колышущиеся слои портьер то скрывали, то вновь являли силуэт мертвеца. Но то, как этот силуэт сжимал рукоять меча, казалось до боли живым, приводя Цзин Юя в неопишуемый восторг.

— Старший, — обратился он в пустоту, — а весело ведь рубить нечисть, правда?

Он и впрямь сошел с ума! Прекрасно понимая, что перед ним фальшивка, он по-прежнему воспринимал Го Шисюна как порочное создание, позволяя этому подобию Ли Юньюаня забавляться убийством.

Не удостоив его ответа, «Ли Юньюань» лишь поднял руку, намереваясь вернуть меч в ножны. Это движение было выучено до автоматизма: даже амплитуда взмаха рукава копировала оригинал с пугающей точностью — но сам Ли Юньюань никогда так не делал.

Преградив путь клинку, Цзян Чжо чеканил каждое слово:

— Довольно.

Шум ливня заглушал все звуки, но глаза под бамбуковой шляпой походили на глаза спустившегося с гор зверя — в полумраке они горели холодным, лишенным всякого веселья светом. «Ли Юньюань» судорожно втянул воздух, собираясь отступить, но в запястье вдруг кольнула резкая боль, и меч вылетел из ослабевших пальцев!

Цзин Юй взревел:

— Кто здесь?!

Черный туман мгновенно заполнил комнату, змеями ввинтился в занавеси, но за ними никого не было. Чуть подавшись вперед, Цзин Юй попытался разглядеть хоть что-нибудь, как вдруг сбоку взметнулась яростная волна ци меча, целясь прямо ему в голову!

Это было Вытягивание Лезвия!

Сделав кульбит, Цзин Юй увернулся:

— Мелкий ублюдок, опять ты!

Сжав в руке Неослабевающий Меч, Цзян Чжо вплотную приблизился к нему и отрывисто

скомандовал:

— Прорыв Панциря!

Это заклинание врезалось Цзин Юю в память сильнее прочих; его глаза блеснули, и он выдохнул:

— Он обучил тебя даже этому? Выходит, вы...

Но он ошибся: выпад Цзян Чжо был лишь обманным маневром. Молодой господин применил вторую форму Меча Кармического Огня Посо — Не-деяние! В тот же миг опорные столбы ломались пополам, а свирепые языки кармического пламени взметнулись во все стороны, охватывая комнату пожаром.

Отступив к портьерам, Цзин Юй смахнул вспыхнувший рукав. Новый возглас Цзян Чжо прозвучал как приговор:

— Сожжение в Пепел!

Пламя заструилось по полу, кольцом смыкаясь вокруг Цзин Юя и отрезая ему пути к отступлению. Тот лишь морщился от жара:

— Смотри-ка, сидя у реки, ты зря времени не терял, поумнел!

Сойдя с лодки, Цзян Чжо думал лишь об одном — как убить этого человека. Бой той ночи навсегда отпечатался в его памяти, и, обнажив клинок, он не собирался давать Цзин Юю ни единого шанса на новые фокусы. Заклинание Сожжения в Пепел обладало свойством изничтожать демонов, а очертив им круг, он наглухо перекрывал врагу возможность призывать нечисть.

И действительно, Цзин Юй никак не мог дозваться своих посланников. Бросившись в огонь, Цзян Чжо ринулся в атаку: вспышки пламени и тени занавесей слились воедино, их фигуры двигались с нечеловеческой скоростью, размытые, словно призраки в танце руин. Бам! Бам! Бам! — раздалось несколько глухих ударов подряд.

— Смерти ищешь! — прошипел Цзин Юй.

Мгновенно выбросив руку в сторону, он выхватил короткий клинок и вновь сошелся с Цзян Чжо в схватке. Прижав лезвие противника к полу и оттеснив его на несколько шагов назад, Цзян Чжо выкрикнул:

— Исполнение Приказа!

Хотя он и так владел инициативой, стоило ему отдать приказ, как его силуэт мгновенно растворился в воздухе. Резко развернувшись, Цзин Юй попытался найти врага, но вокруг колыхались лишь охваченные огнем занавеси, сквозь которые со свистом пробилось новое

Вытягивание Лезвия, метя прямо ему в грудь!

Черный туман успел заслонить удар, но мощь была такова, что даже сквозь преграду лицо Цзин Юя побелело, а к горлу подступила кровь.

Резко взмахнув клинком, Цзян Чжо бросил:

— Твоя грудь ранена потому, что это сделал Прорыв Панцирь Бессмертного наставника Юнъюаня, верно?

Цзин Юй скривил губы:

— И что с того? Тебе все равно не убить меня.

Не тратя слов на ответ, Цзян Чжо вновь отеснил его ударом пламенного меча под шелест сгорающих тканей. Не имея возможности призвать посланников, Цзин Юй воззвал к иному:

— Лунное Зеркало!

Странное заклинание, до боли напоминавшее Заклинание подмены, с той лишь разницей, что вместо куска дерева тело Цзин Юя и Цзян Чжо мгновенно поменялись местами.

<http://bllate.org/book/19195/1885302>